

списков этого произведения и одного списка «Послания» Спиридона-Саввы¹. На основании выводов этого изучения строится представление об официальной политической теории Московского государства XVI в. Р. П. Дмитриева тщательно обследовала рукописные хранилища и смогла основать свое исследование этого памятника на 35 списках «Сказания», трех списках «Послания» Спиридона-Саввы и на привлечении списков большого числа других памятников, близких «Сказанию» (нескольких повестей, родословий и пр.), а также на изучении документов всей дипломатической практики Русского государства, использовавших текст «Сказания». Р. П. Дмитриева подошла к «Сказанию» на основании широкого привлечения всех текстов материалов, и понятно, почему ей удалось не только прийти к новым выводам относительно «Сказания», по-новому раскрыть историю его текста, но добиться и нового понимания политической теории Русского государства XVI в.²

О необходимости использовать все списки изучаемого произведения неоднократно писалось в исследовательской литературе³. В дальнейших главах нашей книги это будет подкреплено и другими примерами, а также станет ясным из самого описания методики текстологических исследований.

Состав древнерусской письменности в рукописных собраниях

Труды разыскания списков древнерусских произведений специфичны. Прежде всего необходимо ясно представить себе огромное количество сохранившихся рукописей.

Академик Н. К. Никольский почти всю свою жизнь составлял вместе с группой помощников (своих учеников) картотеку древнерусской письменности. Картотека в незаконченном виде поступила после его смерти (1936 г.) в Библиотеку Академии наук СССР.

¹ И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских». СПб., 1891.

² Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

³ Правда Русская, т. 1. Тексты. Под редакцией Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. С. 5–61; «От редакции». — ТОДРЛ, т. X. М.; Л., 1954. С. 3–4; В. И. Малышев. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. — Там же. С. 449; Д. С. Лихачев. Изучение древней русской литературы в СССР за последние десять лет. М., 1955. С. 6, 9–10, 12, 18 (Доклады Советской делегации на Международном совещании славяноведов в Белграде); А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 344–345, 354 и др.; В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников. О задачах советского языкознания в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков. — Вопр. языкознания, 1956, № 2. С. 12.

Вот некоторые данные из нее.

По далеко не полному исчислению академика Н. К. Никольского, количество рукописных книг с XI по XVIII в., хранящихся в одних только крупнейших рукописных хранилищах СССР, составляет от 80 000 до 100 000. На каждую же рукописную книгу приходится в среднем от 15 до 20 рукописных статей (отдельных произведений: житий, слов, повестей и т. д.). Иными словами, количество списков древнерусских сочинений исчисляется по неполным данным картотеки Н. К. Никольского от 1 200 000 до 2 000 000¹.

Алфавитный список русских авторов и их сочинений картотеки Н. К. Никольского составляет 9220 единиц. Список же русских анонимных сочинений — 2360 единиц. Кроме того, в картотеке алфавитный список славянских авторов и их сочинений заключает 1560 единиц, греческих переводных — 11 200².

В действительности авторов и литературных произведений было в Древней Руси гораздо больше. Это видно хотя бы из того, что очень многие древнерусские сочинения дошли до нас только в одном списке, даже такие лучшие, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Повесть о Горе-Злачстии» и др. До недавнего времени только в одном списке было известно «Слово о погибели Русской земли» и др.

Впрочем, большинство произведений известно во многих десятках, а иногда и сотнях списков. Так, например, цикл «Повестей о Николе Заразском» в свое время был издан мною по 70 спискам (сейчас число известных списков могло бы быть увеличено до 90)³. Такой крупный памятник, как «История о Казанском царстве», известен в 231 списке⁴; сотнями исчисляются списки некоторых житий, слов и поучений.

¹ В. Н. Перетц писал в 1904 г.: «Мы, русские, можем похвалиться изобилием рукописного материала, оставленного нам многовековой исторической жизнью. Помимо колоссальных сокровищ импер. Публичной библиотеки, богатого драгоценными памятниками собрания Румянцевского музея (теперь в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина. — Д. Л.), Синодальной библиотеки (теперь в Гос. историческом музее. — Д. Л.) и Архива (теперь в Центральном Гос. архиве древних актов. — Д. Л.), почти в каждом сколько-нибудь крупном центре культурной жизни, не чуждом научных вкусов и стремлений, мы находим более или менее значительное собрание рукописей, не говоря уже о монастырях и частных лицах, часто сосредоточивающих в своем владении такие ценные произведения книжной старины, которым принадлежит бесспорно место в ряду выдающихся среди предметов этого рода» (В. Н. Перетц. К вопросу о рациональном описании древних рукописей. Тверь, 1905. С. 3). С тех пор количество учтенных рукописей чрезвычайно возросло.

² О картотеке Н. К. Никольского см: В. Ф. Покровская. Картотека академика Н. К. Никольского. — В кн.: Труды Библиотеки Академии наук СССР, т. 1. М.; Л., 1948. С. 142—150; В. П. Адрианова-Перетц. Картотека Н. К. Никольского. — Вопр. языкоznания, 1961, № 1.

³ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском — ТОДРЛ, т. VII. М.; Л., 1949.

⁴ «Казанская история». Подгот. текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954.

Особенно сложно обстоит дело с летописями. В картотеке Н. К. Никольского зарегистрировано 1211 списков летописей. В настоящее время после обследования крупнейших рукописных хранилищ А. Н. Насоновым и М. Н. Тихомировым¹ это число может быть значительно увеличено. Кроме того, в картотеке Никольского имеется 935 карточек на летописные исторические сказания и 425 картотек на хроники и хронографы. Если принять во внимание большой объем летописей и хронографов, сложные переплетения текстов, в которые они вступают, то необыкновенная трудность их изучения выступит достаточно ясно.

Из приведенных данных виден огромный объем древнерусского рукописного материала. И этот объем все увеличивается за счет созицания новых рукописей и открытия новых произведений.

В последние годы ведется интенсивная работа по выявлению и описанию древнейших славяно-русских рукописей, хранящихся в нашей стране. Опубликован «Предварительный список» рукописей до XIV в.², завершается составление перечня рукописей XV в.

Общие соображения о домонгольской письменности содержит книга Б. В. Сапунова³, сведения о произведениях, авторах и переписчиках собраны в словаре, изданном И. У. Будовницем⁴. В настоящее время ведется работа по составлению словаря писателей и литературных памятников Древней Руси⁵.

*

Как бы ни был обилен сохранившийся рукописный материал, еще больше его погибло. Общая картина древнерусской письменности чрезвычайно искажена систематическими уничтожениями рукописей — случайными и намеренными, стихийными и организованными.

¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. IV. М., 1955; М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

² Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). — Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 177—272.

³ Б. В. Сапунов. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.

⁴ И. У. Будовница. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962.

⁵ См.: Д. М. Буланин, Л. А. Дмитриев. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси». — Рус. лит., 1980, № 1. С. 109—120.

Вот как изображает гибель древнерусских рукописей Н. П. Лихачев:

«...в допетровской Руси архивы гибли и от дурных сырых помещений, и от пожаров. В древних известиях о пожарах и вражеских нападениях мы постоянно встречаем указания на уничтожение книг. Во время взятия Киева войсками Рюрика и Ольговичей (1203 г.) были захвачены монастырские богатства и книги. В большом пожаре во Владимире, бывшем 11 мая 1227 г., погибло множество церквей, двор величного князя Константина и книги его библиотеки. Множество книг сгорело во время нашествия на Москву Девлет-Гирея; взятие Полоцка Баторием в 1579 г. сопровождалось пожаром, уничтожившим весьма драгоценную библиотеку, содержавшую в себе много летописей и отцов церкви в славянском переводе. Известная библиотека московских князей, как можно думать, была расхищена в смутную эпоху. Московские архивы подвергались большой опасности во время пожара 1626 года (тогда пожар истребил большую часть бумаг поместного приказа, которые пришлось пополнять материалами из других приказов и документами, находившимися в частных руках). Пожары истребили значительную часть сибирских архивов, документы которых сохранились только благодаря ученой экспедиции Миллера в первой половине XVIII века. В XVIII столетии не раз были истребляемы архивы, например, в Минске и Вильне. В 1744 г. был уничтожен пожаром Архив Войска Донского, в 1779 г. — Архангельский губернский архив, в 1811 г. сгорел магистратский архив в Киеве. В 1815 г. пожар истребил центральный губернский архив в Казани, заключавший в себе весьма важные исторические акты XVI—XVIII вв., а в 1841 г. выгорела большая часть архивов присутственных мест в Орле. Если в 1812 году Московский архив иностранных дел весь сохранился, то этим он обязан особой предусмотрительности начальства и своему государственному значению. Но тогда же погибли весьма многие семейные архивы и библиотеки, в числе которых были известные собрания рукописей и книг — Мусина-Пушкина, профессора Баузе, Д. И. Языкова, Бантыша-Каменского, Калайдовича, г. Бутурлина, П. Г. Демидова, Общества истории и древностей при Московском университете и мн. других. К сожалению, не менее стихийных бедствий принесло вред архивам людское невежество. Еще митрополит Евгений указывал, что в киевской казенной палате гнили в погребах и ящиках многие важные материалы, пришедшие туда после отбрания монастырских вотчин, но и теперь нередко можно встретить заявления об истреблении рукописей, вещественных памятников, целых собраний, составленных учеными, и даже официальных документов, как, например, сожжение секретных дел морского архива»¹.

Новгородская четвертая летопись так описывает гибель рукописей в Москве во время нашествия Тохтамыша 1382 г.: «Книг же многое множе-

¹ Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике. СПб., 1905—1906. С. 125—126. — Каталог погибшей библиотеки Ф. Г. Баузе недавно опубликован, см.: Г. Н. Моисеева. «Собрание российских древностей» профессора Баузе. — ТОДРЛ, т. XXXV, л., 1980. С. 301—344.

ство снесено со всего града, в зборных церквях до стропил наметано, съхранения ради спроважено, то все без вести створиша»¹.

Степень разработанности рукописного наследия у нас, однако, незначительна.

Н. К. Никольский в 1902 г.² прямо заявлял, что состав древнерусской книжности неизвестен, что мы не можем знать древней русской литературы и что поэтому научное построение истории древней русской литературы преждевременно. Н. К. Никольский имеет в виду плохую сохранность памятников древнерусской литературы, особенно до XV в. включительно, и односторонний подбор рукописей в монастырских библиотеках, через которые в основном и дошла до нас древнерусская книжность.

Вот что писал он же о состоянии издания и изучения памятников древнерусской литературы в 1929 г.: «Оно аналогично тому уровню, на каком происходила разработка истории западноевропейской и византийской литературы приблизительно в первой половине XVII в., когда для нее не был еще собран и систематизирован фактический материал, необходимый для воспроизведения ее прошлого и для синтетического его освещения. Среди русских ученых XVIII в. не было таких неутомимых собирателей, какими были на Западе Дюканж, Монфокон, Фабриций, Cave, Oudin, Labbe, Ассемани и многие другие, без подготовительных работ которых, продолжавшихся около двух столетий, не могло бы, по отзыву академика В. Г. Васильевского, наступить развитие исторических и (добавим) историко-литературных дисциплин на Западе в течение минувшего столетия. Между тем у нас, при наличии указанного пробела, производилось и производится так называемое "построение" истории древнерусской литературы, начавшееся поэтому не с фундамента, т. е. не с собирания и систематизации сохранившихся фактов литературной истории, а с крыши, т. е. с обобщений, основанных на недостаточном количестве отдельных наблюдений, и с применения к ним предвзятых идей и заимствованных схем. Вот почему опыты историко-литературных курсов, относящихся к допетровской письменности, появившиеся с половины прошлого столетия, очень скоро оказывались небывалыми историями небывалой словесности... Поскольку исторический синтез имеет в виду воспроизводить то, что происходило в действительности, постольку неизбежно предварительно сгруппировать фактический материал, систематизировать его, оценить его качество для поставленной задачи не с точки зрения современных понятий, представлений и схем, а с точки зрения его места в цепи явлений минувших столетий»³.

¹ Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925. С. 334.

² Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — ПДПиИ, т. CXLVII. СПб., 1902.

³ Н. К. Никольский. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929. С. 2—3.

При всех несправедливых преувеличениях этого отзыва о состоянии изучения древней русской литературы до 1929 г. в основе его лежит справедливая мысль о необходимости внимательного выявления и изучения текстов древнерусских памятников для истории древнерусской литературы.

Задача учета, систематизации и научного описания всего огромного рукописного материала, сохранившегося до наших дней, стоит перед другой наукой — археографией¹, и мы не можем поэтому останавливаться здесь подробно на вопросах специально археографических. Скажем только кратко о тех требованиях, которые предъявляет к археографии текстология:

Нахождение научных описаний рукописей

Розыскам необходимых рукописей помогают их научные описания. Что такое эти научные описания, и в чем их важность?

Рукопись не печатная книга, названия у нее нет, состав рукописи, если он не раскрыт в научном описании, всегда таит неожиданности. Каждый исследователь, обращаясь к рукописи, не отраженной в научном описании, вынужден заново производить огромную работу по ее изучению. Эта работа повторяется столько раз, сколько ученых обращаются к этой рукописи. Такая трата сил и времени бессмысленна. Результаты исследования состава рукописи не должны теряться для будущих исследователей. Они должны фиксироваться в научных описаниях, а последние необходимо регулярно публиковать.

Если нет научных описаний рукописей, то это значит, что разыскание необходимых списков изучаемого памятника отдано на волю случая. Отсут-

¹ В определении задач археографии историки и литературоведы значительно расходятся. Вот как определяет задачи археографии историк М. С. Селезнев: «Археография, как вспомогательная историческая дисциплина, изучает историю организации и развития практики, теории и методики опубликования письменных исторических источников, связывает это изучение с освещением вопроса об использовании публикаций в научных, политических и практических целях, а также разрабатывает, на основе обобщения прошлой и настоящей археографической практики, теорию и методику (общую и частную) публикации письменных источников применительно к их конкретным видам и времени происхождения, а также типам изданий» (М. С. Селезнев. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1959. С. 21). По существу, в этом определении текстология поглощена археографией, так как издание текстов не может совершаться без их предварительного текстологического изучения. Задачи текстологии и археографии должны быть четко разграничены. Литературовед Н. Ф. Бельчиков определяет задачи археографии по-другому: «В составе его (архивного дела. — Д. Л.) есть частная, специальная область работы в архивохранилищах по приему, разборке, систематизации и описанию материалов. Эту область мы называем археографией» (Н. Ф. Бельчиков. Теория археографии. М.; Л., 1929. С. 18).